

О. В. ТРОФИМОВА

АРХИВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О МОНАСТЫРЯХ ТЮМЕНИ И О МОНАСТЫРСКОМ ИМУЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА

(по материалам журнала Тюменской воеводской канцелярии 1762 года)

1762 г. вошел в историю Российского государства как год уникальный. В стране дважды присягали на верность государю: в январе — императору Петру III, в конце июля — императрице Екатерине II¹. Списки присягнувших в Тюмени хранят фонды Государственного архива Тюменской области². Таким образом в столицах и провинции дважды была проведена своеобразная перепись мужского населения, подписавшего присяжные листы.

Петр III ликвидировал Тайную канцелярию, отменил «Слово и дело», подписал «Манифест о вольности дворянства», а также «вернулся к решению о секуляризации церковных земель, которое приняла, хотя и неохотно, благочестивая императрица Елизавета Петровна, и стал осуществлять его на деле. Соответствующий указ был издан 21 марта 1762 г. Начался поспешный и грубый захват церковного имущества, часто силами армейских офицеров, в результате чего уже 15 апреля 1762 г. появился другой указ, запрещающий им врываться в монашеские кельи и частные дома священников и описывать находящееся там имущество»³. В соответствии с мартовским правительственным указом весной 1762 г. его высокопревосходительство господин тайный советник и сибирский губернатор Федор Иванович

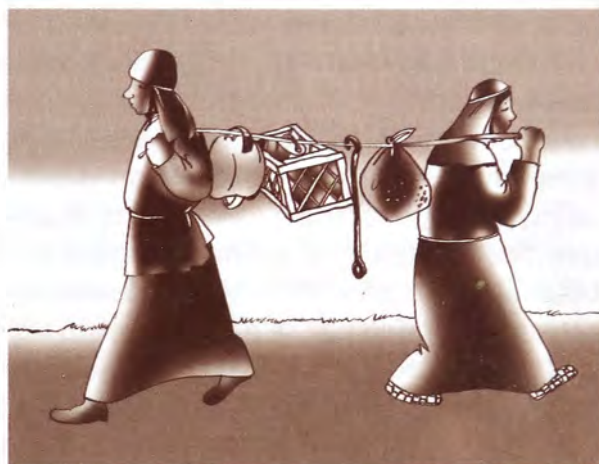

Рис. О. Трофимовой

Соймонов орденом повелел присутствующим Тюменской воеводской канцелярии описать монастырское имущество⁴, что и было сделано. Власти распоряжались монастырским имуществом (в частности, продавали монастырский скот⁵), но, вероятно, не вся необходимая властям информация оказалась собранной, например, о количестве монастырских лошадей, которых можно было бы передать армии.

Так, в журнале Тюменской воеводской канцелярии от 17 июля сделана запись на основании сообщения, поступившего от капитана Олонецкого драгунского полка Баженова, который был командирован губернатором Соймоновым в архиерейские вотчины в слободы Покровскую, Тавдинскую,

Усть-Ницынскую и Еланскую, а также в Николаевскую заимку Знаменского монастыря, чтобы «имеющихся там лошадей разобрать и годных, в драгунские и подъемные взяв, отправить на линию к командующему генералитету для определения в полки, а негодных в тех же местах впредь до резолюции оставить»⁶. Капитан Баженов прибыл в Тюмень и «уведомился, что из здешнего Свято-Троицкого монастыря в описи лошадей имеется немало, о которых де и в Сибирскую губернскую канцелярию еще не репортовано», а потому требует от воеводской канцелярии соответствующий список (с указанием лет и примет), чтобы «показанных лошадей: кобыл, мерин, жеребцов, – годных по разбору в службу в армейские, и гарнизонные драгунские, и ландмилиские полки» принять было можно и «в силу данной ему инструкции исполнение учинить»⁷. Воеводская канцелярия посылает список описных 140 лошадей, зная о том, что реальное их число уменьшилось: «... монастырских описных лошадей пастух Ефим Хрусталева репортами... объявил: сего де июля 4 мерин белой незапною смертию пал, а на оное число ночью жеребчика темно-буланого годового зверь задавил; 9 мерин чалой пал, жеребец селеток соловой ослеп; 10, 12, 13 и 14 чисел июля ж мерин вороной чалогузой, мерин вороной же, грива стрижена, мерин на сере пегой, мерин светло-сивой, две кобылы: одна саврасая, другая годовая рыжая, итого восемь лошадей незапною смертию пали»⁸. 19 августа, по словам того же пастуха, «упадок прекратился»⁹.

Споры о монастырской собственности распространялись, кроме всего прочего, и на места рыбной ловли. 27 августа в присутствии воеводской канцелярии «впущен был Тюменского девичьего монастыря священник Григорий Шмотин», который объявил: «На имеющую де того монастыря рыбную в речке Язевке ловлю Тюменского уезду Быковой, Антипиной, Зайковой и Гилевой деревень жители для ловли той рыбы посланных от монастыря не допускают, и рыбу оные, невзирая на учи-

ненное от Тюменской воеводской канцелярии от овладения оной речкой отказание, самовольством своим ловят», и просил, «чтоб им в той ловле отказать и впредь ловить запретить»¹⁰.

Эти и подобные им документы стали для сегодняшних исследователей источниками, сохранившими свидетельства о монастырском имуществе середины XVIII в., важными не только в историко-лингвистическом, но и в культурологическом отношении, в том числе истории материальной культуры, – мы имеем в виду соответствующие описи и описания. Один из источников свидетельствует, в частности, об имуществе тюменских Свято-Троицкого и Успенского монастырей.

Предваряя публикацию фрагмента журнальной записи, датированной 5 августа 1762 г., т. е. сделанной по прошествии пары недель после приведения жителей Тюмени к присяге на верность Екатерине¹¹ в соборной Благовещенской церкви¹², обратимся к еще одной цитате: «Не прошло и недели после воцарения Екатерины II, как 3 июля 1762 г. она приказала Сенату рассмотреть политику, которую надлежит проводить в отношении церкви. Церковные иерархи, почувствовав колебания молодой императрицы, поспешили оказать давление на отдельных сановников и учреждения, чтобы вернуть свои земли»¹³. 29 ноября датируется «Инструкция, данная комиссии о церковных имениях», начинающаяся словами: «Возвращая отнятые в прошлом правлении недвижимые имения духовному чину в управление по-прежнему нашим манифестом, от 14 августа в народ опубликованным...», – в которой имущественные отношения определяются реализацией высшего предназначения церкви в жизни государства: «... чтоб благоразумно воспитанные и обученные священники прямой путь к исправлению нравов открывали... Мы распорядки будем стараться делать такие, которые бы сему благому намерению споспешествовали»¹⁴. Это заявленное намерение государства вписывается в

идею просвещения и исправления нравов, приверженцем которой была Екатерина II, и коррелирует, в частности, с изданным 14 ноября того же года указом «О предохранении себя всякому от своевольных и всяких поступков, нарушающих общее спокойствие, под опасением неминуемого по законам наказания»¹⁵.

В журнальном протоколе цитируется¹⁶ описание, сделанная на основании ордера губернатора Соймонова. Сначала речь идет о Свято-Троицком монастыре. «Описного при тюменски^х Троицко^м мужеско^м и Успенском^ь девичьем^ь мана^стыря^х налично^{го} хоромного строения в горо^{де} в мужеском^ь: в мана^стырской ограде келья, в которой жителство имеет архимандрит Софроний, поземая¹⁷, крыта тесо^м, новая; в о^кна^х око^нчин^ь¹⁸ слюденны^х одина^тца^т, новыя ж^ь; двери и ставни у око^н на крюка^х и петля^х железны^х.¹⁹ Во оной келье святы^х образо^в двена^тца^т, шкаф^ь, крашеной кра^ской коришневой; верхни^х и ни^жни^х шкафо^в у дверец^ь замки; денег^ь пя^т рубле^в два^тца^т о^дна копейка, о кои^х архимандрит Софроний обя^вил, что оныя со^браны с венечны^х памятей²⁰; кунган^ь²¹ оловянной бо^лшей.

Ке^ли * каменные об о^дном^ь апа^ртаменте, под ними кладовые полаты, в ни^х два^тца^т око^нчин^ь, святы^х образо^в шесть, два патрета на поло^тне прео^священны^х митрополито^в; во^смна^тца^т стуло^в с по^душками коженными, сто^л с тремя ящика^{ми} вы^движными, крашеной разными красками, на не^м ковер^ь персикко^й; четыре стула деревянные про^стыя, один^ь малинкой шкафец^ь, столик сре^дней, выкрашеной раз^ными красками. Один^ь кабинет^ь деревянной, не окованой; сто^л деревянной съ ящиками, патреть его императорскаго величества блаженныя вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Великого на поло^тне в рама^х черны^х, два блюда и две тарелки оловянные, две кострюли, о^дна с руковяткой²², медныя.

У печей в хлебне²³ два заслона железныя, два котла сре^дния да одна кострюля небольшая медная; котель болшей чугуной; крушка да блюдо кра^сной, шанда^н²⁴

зеленой меди; меденик^ь²⁵ медной ветхой; сундучек^ь, окованой железом^ь, а в нем мана^сты^рские четыре скатерти и пя^т са^нфето^к; соло^нка оловянная, дватца^т семь тарелок оловянных, три лотка оловянные большия, четыре ж^ь лотка оловянные небольшие, три мисы²⁶ оловянные, одна крушка оловянная *, чашка медная луженая, два укусника оловянные, о^дна перешница оловянная, о^дна лошка ро^здавателная оловянная, о^дна крышка ме^дная с кострюли, два чайника зеленой меди, о^дна солонка оловянная, четыре блюда оловянные; сундук^ь, окованой железом^ь, небольшой.

Четыре пушки чугунные: первая большая, вторая поменее то^й, а две малинки, а каки^х калибер^а, неизвестно.

В горо^{де} за мана^стырскою оградю мана^сты^рского строения анба^р для клажи извески, пивная, пова^рня, солодовня новая; баня ветхая; и^зба²⁷ белая с сенми, на проти^в забраны²⁸ чуланы, дво^р с заплоты²⁹. Оное строение состои^т на мана^сты^рской земле. Изба * белая ни^зменная³⁰, в ней восемь чулано^в. У печи вместо засло^нки доска железная. Трои двери на крюка^х железны^х. В окна^х шесть окончи^н слюденны^х ветхи^х. Кузница, в ней инструменто^в: мехи коженные, молото^в два, оди^н болшей; клещи семеры, обушни^к³¹, накова^лна, три гво^здилны³² железные. И^зба белая, пере^д ней го^рница³³ о двух^х чулана^х и с ко^мнатою, столешница сосновая большая, сто^л на ношка^х и^зломаной.

В школе латынской о^бра^з оди^н, го^рница с комнатою, пере^дняя изба черная³⁴, с сенми, в ней о^бра^з оди^н же.

Тюменского Успе^нского девичья мана^сты^ря две ке^ли в ограде ни^зменные с сенми, крыты дра^че^м³⁵, в кои^х жителство имеет игуменья Иулита. Во оны^х келья^х святы^х образо^в восмна^тца^т, посуды: блюдо оловянное да две тарелки. Вышеписанные о^браза и посуда по обя^влении того мана^сты^ря игуменьи Иулиты со^бственное ее, мана^сты^рской два блюда, четыре тарелки оловянные, сто^л деревянной со столешницей, ковер^ь шерстеной; сундук^ь окова^н железом^ь, ветхой, простой, восемь око^н

чинь слюдены^x ветхи^x да со^бственны^x старечьи^{x36}, а не на мана^тырские денги купленны^x. Семь келей деревянны^x, крыты драницами³⁷».

На этом описании заканчивается констатирующая часть журнального протокола. Скрепой *того ради* в текст вводится постановляющая часть: «Приказаль: в силу выше прописанного полученного ис ка^целярии Тоболской духовной ко^нсисории и во оно^м обявленного из святейшего правительствующаго Синода указо^в, а во оной Сино^д сообщенного правительствующаго Сената ведения пре^дявленныя описныя в тюме^нски^x Троицко^м мужеско^м и Успенско^м девичьемъ мана^тыря^x какъ в те^x мана^тыря^x келей, такъ и в горо^де за мана^тырскою оградю дома со все^м строениемъ и вышешоказанною во оны^x домовою пажитию³⁸ о^тдать в приемъ находящимся в те^x мана^тыря^x властямъ: в Троицко^м – а^рхимандриту Софронию, в Успенскомъ девичьемъ – игуменье Иулите по описи с роспискою...»³⁹.

Вероятно, самые главные слова в постановляющей части, имеющие правовое для своего времени значение, – *отдать в прием*. Тем более что в документе специально оговорено – *по описи с распиской* (вспомним начало «Инструкции...» – *возвращая в управление...*). Как оказалось, ненадолго⁴⁰.

Таким образом, в контексте истории Российского государства представленные документы, относящиеся к разряду массовых исторических источников, свидетельствуют о частных фактах, детали которых имеют, скорее, региональное значение; однако тема значима для истории всей страны, а содержание предопределено: это способ разрешения на конкретной территории общегосударственной проблемы.

В контексте истории государственного языка важно обратить внимание на следующее. Перед нами официальный документ, следовательно, его язык относится к языку государственному, под которым принято понимать не весь национальный язык, а только его обработанную, зафиксирован-

ную в текстах часть, т.е. язык литературный, в частности, официально-деловой стиль. Созданный в условиях речевой среды конкретного региона, анализируемый источник вобрал в себя как общерусскую ее грамматическую основу, так и территориально ограниченные, диалектные лексические черты – именно это заставило публикатора привести толкования многих сибирских слов, которые были для своего времени только регионализмами (своеобразными экзотизмами), в наше же время приобрели в дополнение черты архаизмов, т.е. устаревших названий существующих и поныне предметов, понятий и т.д. (например, *руковятка, горница, пажить*).

Синтаксическая структура текста выдержана в традициях, актуальных и для нашего времени, составления текста описания, в котором преобладают номинативные предложения⁴¹ (называют существование предметов речи в конкретном пространстве и строятся по модели *где-то есть что-то*, например, *В монастырской ограде келья или У печей в хлебне два заслона железные*) или же предложения (единичные в тексте) с составным именным сказуемым (например, *Келья... поземая, крыта тесом, новая*). Среди подобных конструкций больше случаев спорного для современного синтаксиса употребления в позиции подлежащего не именительного (как в приведенном примере), а родительного падежа (например, *В окнах окончин слюдяных одиннадцать, новые ж*). В таких предложениях именное сказуемое имеет количественное значение. Из аналогов сложноподчиненных предложений назовем 3 конструкции с придаточными определительными (на 2 устаревающих союзных слова *кой: денег, о коих...* и *две кельи, в коих...* – приходится одно нейтральное *который: келья, в которой...*) и одну с придаточным изъяснительным (*объявил, что оные...*). Подобное совмещение признаков разных временных эпох в структуре единого текста – обычное явление для тюменских деловых текстов середины XVIII в.

Рукописный документ традиционно отражает фонетические признаки устной речи: оглушение согласных (*крушка, лошка, стол на ношках*), пропуск на письме непроемких согласных (*извеска, патрет*), фискацию ударения (*небо_льшей*, а не *небольшо_й; сунду_чек*, а не *сунду_чо_к*).

Среди морфологических примет текста любопытна форма родительного падежа множественного числа (*18 стулов*), творительного падежа (*двор с заплоты*). Значимы для восстановления истории грамматической системы русского языка устаревшие сегодня случаи согласования собирательных числительных с существительными и сами формы этих числительных (*трои двери, семеры клещи*), замененные в современном языке связью управление (*трое дверей, *семеро кле-*

*щей*¹²), а также конструкция, объединяющая в себе устаревающий и нарождающийся (для времени создания текста – 1762 г.) способы выражения несогласованного определения (*горница – какая? – о двух чуланах и с комнатою*).

Таким образом, рассмотрев достаточно подробно только один из массовых рукописных источников, мы еще раз утверждаемся во мнении, что необходим «исследовательский подход к каждому из массовых исторических источников как к многоаспектному объекту анализа, имеющему, с одной стороны, самостоятельную ценность, а с другой – ценность информации, восполняющей тот или иной пробел в историческом контексте»¹³; при этом контекст следует также рассматривать как многоаспектный историко-культурный феномен.

¹ «Указ о восшествии императрицы Екатерины Алексеевны на всероссийский императорский престол» из Государственной военной коллегии доставил в Сибирскую губернскую канцелярию «нарочно посланный куриер» Тенгинского пехотного полка «гранодир» Алексей Бурковский 18 июля 1762 г., в Тюмени указ был получен 20 июля. Манифест о восшествии Екатерины II был получен в Тюменской воеводской канцелярии вместе с указом из Сената «чрез артиллерии майора Михаила Рожнова» 24 июля [Ф. И-47. Оп. 1. Д. 471. Лл. 103, 103 об.].

² Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5229, 5228.

³ Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 53.

⁴ Ф. И-47. Оп. 1. Д. 471. Л. 140.

⁵ К продаже монастырского скота был определен сын боярский Дворников, которому удалось выручить к середине августа 1762 г. за свиней 1 руб. 10 коп., за гусей 15 коп. [Там же. Лл. 211, 211 об.].

⁶ При цитировании документов применены принципы современной графики и орфографии. Правке не подвергались лексемы (архаизмы и историзмы) и грамматические формы.

⁷ Ф. И-47. Оп. 1. Д. 471. Лл. 74–75 об.

⁸ Там же. Л. 96.

⁹ Там же. Л. 211.

¹⁰ Там же. Л. 259.

¹¹ Всего в общегородской реестр включено 6589 человек (к нему приложены реестры тех, кто не был у присяги «за отлучками»). Открывает его список 107 присягнувших лиц, имеющих отношение к Тюменскому Свято-Троицкому монастырю, в том числе: архимандрит Софроний, 6 иеромонахов

(Митрофан, Иов, Павел, Мелентий, Алимпий, Исихий), иеродьякон Иларий, 5 монахов (Адам, Вавило, Дометий, Феодосий, Поликарп), 28 священников, 1 дьякон, 20 дьячков, 22 пономаря, 11 детей «священно- и церковнослужительских», 1 церковный страж и 11 учеников тюменской латинского диалекта школы [И-47. Оп. 1. Д. 5228. Л. 168].

¹² Ф. И-47. Оп. 1. Д. 471. Л. 104.

¹³ Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 191.

¹⁴ ПСЗ. Т. XVI. № 11716.

¹⁵ ПСЗ. Т. XVI. № 11710.

¹⁶ При публикации документа применены принципы современной графики и пунктуации. Правке не подвергается орфография (кроме отдельного написания союзов, предлогов и знаменательных слов, что отсутствует в оригинале) и грамматические формы. Выносные (надстрочные) буквы оригинала сохранены.

¹⁷ *Поземий*. 'Расположенный прямо на земле – о постройке, помещении (в отличие от постройки «на змостье», т. е. на фундаменте)' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск: Наука, 1991. С. 113].

¹⁸ *Окончина*. '1. Оконное стекло или заменяющая его слюда. 2. Оконная рама со вставленными окнами или слюдой' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 94].

¹⁹ В оригинале в этом месте первый из имеющихся в тексте знаков препинания – двоеточие, которое может быть приравнено к современной точке в конце предложения, т. к. далее следует повтор тематического слова *келья*, сопровождаемый указа-

тельным (отсылающим к предыдущему контексту) местоимением *оний* — *во одной келье*.

²⁰ *Венечная память*. 'Записка к священнику о желающих венчаться в его церкви' [Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. Л.: Наука, 1987. С. 31].

²¹ *Кунган (кумган)*. 'Род металлического сосуда с крышкой' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 68].

²² *Руковятка*. 'Руковятка; часть предмета, за которую его держат или берут рукой' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 135].

²³ *Хлебня (хлебенная, хлебная)*. 'Хлебопекарня, заведение, где печется, а иногда и продается хлеб' [Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Рус. яз., 1991. С. 553].

²⁴ *Шандал (шандан, шамдан, татарск.)*. Подсвечник [Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Рус. яз., 1991. С. 620].

²⁵ *Меденик (медяник)*. 'Большой металлический котел' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 74].

²⁶ *Миса*. 'Большая миска' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 75].

²⁷ *Изба*. '1. Жилое помещение крестьянского дома, где готовили пищу (обычно: одна из двух жилых построек под одной крышей, разделенной сенями). Белая изба. Изба, отапливаемая печью с трубой. 2. Жилой дом из одной комнаты. 3. *Изба пятистенная*. Жилая постройка, разделенная капитальной бревенчатой перегородкой на две половины. 4. Постройка, помещение различного хозяйственного назначения. 5. Жилище. 6. *Скотская изба*. Хлев' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 52].

²⁸ *Забрать*. 'Перегородить, загородить' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 43]. *Забранный* — загороженный.

²⁹ *Заплот*. 'Плотный забор из бревен, толстых жердей или досок' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 48].

³⁰ *Низмянный (низменный)*. 'Расположенный ниже других построек, низкий' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 86].

³¹ *Обушник*. 'Род кузнечного инструмента' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 90].

³² *Гвоздильня*. 'Кузн.: наковальня с дырой, для выковки гвоздевых шляпок; *плотничн.*: выдерга, железная полоска с дырой, развилкой, для дерганья гвоздей' [Даль В. И. Толковый словарь... Т. I. М.: Рус. яз., 1989. С. 347].

³³ *Горница*. '1. Жилое помещение в доме. 2. Отдельная постройка' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 31].

³⁴ *Черная изба*. 'Черная, или курная, изба, в которой печь без трубы' [Даль В. И. Толковый словарь... Т. II. М.: Рус. яз., 1989. С. 10].

³⁵ *Дранье*. 'Кровельная дранка' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 38].

³⁶ Прилагательное от *старица*. 'Монахиня, черница, черничка, инокиня, отшельница, скитница, принявшая ангельский чин, постриженная или келейница' [Даль В. И. Толковый словарь... Т. IV. С. 317].

³⁷ *Драница*. 'Отколотая неотесанная доска для покрытия крыши' [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири... С. 38].

³⁸ *Пажить*. 'Арх., каз. Пожитки, имущество, добро, скарб и все нажитое, все имение' [Даль В. И. Толковый словарь... Т. III. С. 8]. Ср. общерусское для конца XVIII—начала XIX вв. значение: *Пажить*. 'Луг или поле, где пасется скот; пастбище' [Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Репр. изд. Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. Т. II. С. 154].

³⁹ Ф. И-47. Оп. 1. Д. 471. Лл. 140–141 об.

⁴⁰ Известно, что в 1763–1764 гг. Екатерина II «провела секуляризацию церковных земель и, несмотря на проявление недовольства церковников, лишила их земельных богатств» [Анашимов Е. В. Екатерина II // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие: В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. П. Е. Бухаркин. 2-е изд., испр. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 337]. 26 февраля 1764 г. вышел именной указ «О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 руб. 50 коп.», по которому Тобольская епархия, наряду с Казанской, Псковской и другими (всего 8), была отнесена «по благопристойности и достоинству санов» ко второму классу (из трех. Во втором классе был 41 монастырь, на каждый полагалось в год денежной суммы 1311 руб. 90 коп.) [ПСЗ. Т. XVI. № 12060.].

⁴¹ Термин *предложение* в данной статье используем условно. Терминологическое значение предполагает, в частности, наличие смысловой законченности и финальной (предикативной) интонации (конечных знаков препинания — точки и т. д.), что позволяет конструкцию расценивать как простое предложение. Таким образом, в анализируемом источнике, как и во всех рукописных текстах XVIII века, практически отсутствует простое предложение.

⁴² Хотя последнюю конструкцию в целях снятия омонимии (с названием 'небольшого членистоногого животного из класса паукообразных') предпочтительнее заменить на сочетание с количественным числительным: *клещи — 7 штук (изделий, единиц)*.

⁴³ Трофимова О. В. Две ведомости 1738 года о тюменских монастырях и церквях: к проблеме лингвистической и культурологической ценности массовых исторических источников // Земля Тюменская: Ежегодник ТОКМ: 2004. Вып. 18. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 143.